

Аннэр К.

КРУЖЕВО НЕПРИКАЯННЫХ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2014

ББК 84
-4
А 68

Аннэр К.

А 68 Кружево неприкаянных / М.: Языки славянских культур, 2014. – 376 с.
ISBN 978-5-9551-0723-3

«В каждой стране, в любую эпоху всегда есть сильные, смелые, мудрые люди, неподвластные обыденности и устремленные к иным горизонтам, которые всей своей жизнью, личным примером указывали остальным цель и путь, придавали смысл жизни и бытию...»

Но всегда!

Отшельники, рыцари, короли, мудрецы, святые... поэты, философы... люди «беспокойного присутствия», часто становятся чужаками в «глазах других людей» и неприкаянными странниками в родном отечестве, поскольку «нет пророков» в нём...

Составитель издания

ББК 84
-4

ISBN 978-5-9551-0723-3

9 785955 107233 >

© Аннэр К., 2014
© Языки славянских культур, 2014

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

Часть первая

ЛЮБОВЬ...

6

Часть вторая

...СЛЁЗЫ

172

Часть третья

ЖИЗНЬ...

245

Часть четвертая

...СМЕРТЬ

339

*Кружась цепляясь задевая
Толкаясь издеваясь убивая
Любя бросая ненавидя
Нежнейше прикасаясь отвергая...
Тончайшем кружевом переплелось
 Всё здесь
 И вновь и вновь
 В одно мгновенье
 И жизнь и смерть
 и слёзы и любовь*

ЛЮБОВЬ...

Часть первая

«Всё что появится
исчезнет
и всё что исчезнет
появится
и сколько раз появится
столько раз и исчезнет...
Но что бы
ни возникало
и что бы ни исчезало
не исчезнет
само возникновение
и исчезновение...»

ДОМ

Старческая рука... – сплетения выпирающих вен, накрытых сетью разноглубоких морщин – достигает дверной ручки, обхватывает её и осторожно тянет тёмную, в пятнах и трещинах... массивную дверь.

«Господи, спаси и сохрани», – шепчет пожилая дама, осторожно ступая в открывшееся пространство, она совершает ровно шесть шажков от входа, затем поднимает ногу на ступеньку, опирается на неё, подтягивает другую ногу, заносит на 18-дцать сантиметров ровно вперёд и... опускает ботиночек

точно на остаток ступени с повышенным содержанием смолистых веществ. Наверное, сук рос – все сгнило, а он, островок износоустойчивости, остался в доске, которая когда-то была сделана из хвойного дерева и прибита в своей маленькой, буквально восьмисантиметровой, части.

Первые две ступени подгнили, но дальше можно не выбирать, третья – уже отлично, а остальные – просто превосходно!

Сохранились.

Ровно пять шагов по скрипучей лесенке, затем рука вытягивается кистью вперёд с поджатыми пальцами вниз и толкает... снова дверь, звук лёгкого удара костяшек о дерево... и никакого скрипа, просто тихо открывается. Старушка входит в комнату.

«Спаси господи... сохрани... Танечку, Фанечку, Анечку, Лерочку...», – тут она делает паузу, занявшую ровно три шага, потом продолжает, уже не делая пауз, – Маняшу-микешу-вилешу-игорька-марика-гошеньку-кириллу-олега-мартина-сергея-павлапетровича-васичку-галочку-наташу-володю-волечку-стасика-иришу-вадика-дашу-водопроводчикавлада... – переводит дыхание, – да и вообще всех, кого я забыла, но ты их знаешь. Вот я и дома», – старушка завершает молитву.

Она опускает руки на спинку широкого массивного кресла.

Кресло состоит из трёх подушек: на двух сидишь, а на третью облакачиваешься спиной; его можно превратить в узкую лежанку, разложив подушки горизонтально, но никогда не удавалось сделать это ровно – в местах сочленения всегда образуются провалы, и тело, теряя опору, вначале напрягает мышцы, но быстро устав, расслабляет их и изгибается в согласии с трёхчастными неровностями ложа. И если телом долго не шевелить, то оно, согласно выпукло-вогнутостям, перекашивается, и потом, когда надо встать, внутри тела что-то хрустит,

болит и отказывается сразу вернуться в бодрое равноактивное состояние. А вот в положении «кресла» это сооружение – широкие подлокотники, спинка, сиденье не очень мягкое, но и не слишком жёсткое... читать книжку, поглядывая в сторону сидящих за круглым столом, как, например, делала её дочка, или просто заснуть, не дождавшись окончания кино или телепередачи, что часто происходило с её внучкой Катей, очень, ну просто даже оччч-ч-чень удобно – можно поджать ноги, можно свернуться клубочком, можно развалиться, раскинув руки, а можно просто заснуть уткнувшись в мягкую подушку, положив её на подлокотник.

Дом появился в начале XX века, в те времена, когда интеллигенция строила вокруг столицы свои дачи. Всего они успели выстроить 283 дачи на всем протяжении побережья залива... ну-у... может, 284 или даже 280 пять... шесть... да кто их считал!

Возведение дома было завершено «предпоследней осенью последнего года», – так сказал Сергей Львович Корзунов, хозяин и строитель.

Первые год-два после постройки дом ещё должен «уссесться, усс-стояться и...» и... – только после этого внутренняя отделка и убранство могут приобрести своё завершение. Но кто будет «усседать» и «усстоять»? Самим? В сырости и неустроенности?... Слава богу, есть дальние родственники... по линии супруги, которая когда-то, молодая, статная, ясноглазая, приехала в Питер поступать на Бестужевские курсы из далёкого губернского городка на берегу огромного озера. Она успешно поступила на историко-филологическое отделение, успешно завершила учёбу и успешно начала жизнь, навсегда став «бестужевкой», одной из...

6996 слушательниц, окончивших к 1914 году, начиная с 1878-го, Бестужевские курсы. «Бестужевки» – это от К. Н. Бестужева-Рюмина, племянника декабриста М. П. Бестужева-Рюмина. В 1889 году, когда К. Н. Бестужев из-за болезни покидал свой пост, слушательницы первых восьми выпусков преподнесли ему адрес, в котором значилось так: «Все поколения соединились здесь, чтобы принести Вам душевную благодарность за тёплое доверие к искренности наших стремлений учиться университетской науке и к нашим способностям. Вы учили нас, что влияние женщины громадно как в семье, так и везде, где только ей приходится действовать, и не в узкой специальности, но в общем всестороннем образовании личности... Ваше имя не умрёт, но будет передаваться от одного поколения слушательниц к другому».

Среди тех, кто окончил курсы, были академики О. А. Добыш-Рождественская и П. Я. Кочина, писательница Е. Н. Верейская, актриса Е. И. Тиме, революционерки – Н. К. Крупская, А. И. Ульянова-Елизарова, А. А. Фотиева, П. Ф. Куделли, К. Н. Самойлова, здесь учились сестры Елена и Вера Фигнер и многие другие замечательнейшие женщины России...

«Боже, какие удивительные люди жили», – шепчет старушка, передвигаясь в межмебельном пространстве комнаты...

Высоко вверх уходящие шкафы с множеством дверей различного размера... в одни вносят и выносят верхнюю одежду, другие открывают доступ к выдвигающимся ящикам, в которых могут быть другие дверцы и ящички. Шкафы массивные, широкие, с толстыми стенками и резными панелями... В основании ряд одинаковых по высоте, но различных по ширине дверей, затем ряд, в котором деревянные дверцы чередуются с дверцами застеклёнными, за которыми видны полки, а на полках расположились чашечки, фарфоровые статуэтки, шкатулочки, бронзовые фигурки, а есть ещё дверцы, за которыми на

стеклянных полочках стоят всевозможной конфигурации рюмочки, стопочки, бокалы, бокальчики и фужеры, в несколько рядов, тесно прижавшись друг к другу.

Рука старушки тянется к пузатому затейливому графинчику с тёмно-коричневой жидкостью, другой рукой достаётся гранёная стопка... в неё плавно перетекает жидкость из графинчика и далее в старушкин рот, который она с явным удовлетворением закрывает, затем осторожно возвращает всё на свои места, а рот аккуратненько вытирает кружевным платочком.

В графинчике настойка трав, собранных частично лично ею, частично под её мудрым руководством, частично просто купленных в ближайшей аптеке. Вначале трава сушится, затем мельчится, затем плотно насыпается в стеклянную банку, затем банка наполняется водкой самостоятельного приготовления, то есть самогонкой, которую умели делать в этом доме, умели во все времена, даже в самые голодные. Всегда есть! что-то, что гниёт, а гниёт – значит бродит, а бродит – значит, есть конечный продукт брожения, из которого и получаем необходимый напиток посредством аккуратной возгонки с последующей очисткой и другими манипуляциями, составляющими предмет гордости «производителя». Надо просто за всем следить грамотно... ну и некоторые секреты органической химии. А потом всё это – в настойку... лечебную, естественно...

«Спаси и сохрани, – снова шепчет старушка, закрывая стеклянную дверцу. Что спасти... что хранить? – странные слова – от этой жизни для жизни вечной... очень странные слова «жизнь вечная», сто лет, а потом ещё сто, а потом сто по сто, а потом? потом, потом...»

И вдруг грохот! Обвал в шкафу! Струк-блям-грым-шрррррр-бах-бах-бах-цик-цик... шшии циккк-к! С правой стороны дет-

ский стуло-стол... «выезжает» в межмебельный проход, сужая его на 15 сантиметров... – это полка обвалилась (струк-блям-грам), дверца открылась, отодвинула стуло-стол (шрррррр-бах-бах-бах), сквозь щель высыпались маленькие скляночки с притёртыми пробками, коробочки, перевязанные нитками (цик-цик...), какие-то пакетики... (цик-цик-шшии-цикк-к-к)

«Ну, ни хрен себе!»

Старушка смотрит на всё «это», затем осторожненько отодвигает ногой с прохода, шагает и... останавливается перед стуло-столом.

«Это не моё детство»

В детстве Елизавета Карповна была хаотична и беспорядочна, то есть каждая вещь бралась в руки в момент привлечения внимания и оставлялась там, где Еличку заставал момент отсутствия внимания... Но как-то раз в комнату вошла молодая женщина в аккуратном платье, длинные волосы красиво заколоты, в руках... в руках... наверное, тряпка или щётка... Женщина начинает двигаться... это похоже на действие горячего утюга при перемещении по смятой ткани... Хаос исчезает, все вещи находят свои места, в комнате чисто и красиво. И так повторяется каждый раз при её появлении. Так странно! Никаких нравочений, наставлений, выговоров... просто «утюг». И постепенно все вещи нашли свои места и больше никогда их не теряли, вот и теперь они стоят на этажерочке... некоторые...

те, что дожили... с того времени, когда жизнь ещё была... и на тех же местах в точности!

Вот только стуло-стол!

«У вас так чисто, ни пылинки, пожалуй, надо принести немножечко», – пошутила много лет назад мамина подруга Муся Баубель. «И мы её тут же уберём», – весело откликнулась мама, обернувшись к Елечке. Елечка смущённо поджала пухленькие губки. Вот тогда-то и появилась в доме «молодая женщина в аккуратном платье, длинные волосы красиво заколоты».

Старушка внимательно осматривает возникшую преграду... «Как же, как же... это было приобретено... это было... очень удобно, ребёнка за общий стол можно, если сделать стулом и придвинуть к столу, а можно, не вынимая из стула, сделать стол... можно оставить одного, можно не бояться, что он вылезет, особенно если привязать за поясок. Здесь привязывали два собственных поколения – дочь Лерочка и внучка Катенька – и сколько-то других, оно уже подержанное досталось...

«Что есть материя?»

– задавалась вопросом бестужевка Сабашникова, – как из материальных процессов возникает сознание? – И записывала в дневник: «На эти вопросы естествоиспытатели отвечают: «Не знаем и никогда не узнаем!» Если это действительно так, то жизнь есть процесс, недостойный человека, и мы, собственно говоря, обязаны с ней покончить».

Мамаша «бестужевки» заметила её состояние и обратилась... к врачу... Барышня с того момента должна была ежедневно приходиться в водолечебницу, где её окатывали двумя вёдрами холодной воды.

«...однако, теперь я с признательностью вспоминаю эти ежедневные два ведра холодной воды, хотя они никак не разрешили мировых проблем, но они укрепили мой организм, так что неразрешённые проблемы не могли уже действовать на меня так разрушительно...»

«...на последней лекции по геологии преподаватель Мушкетов изложил Канто-Лапласовскую гипотезу о происхождении мира и о его неизбежной гибели вследствие охлаждения солнца. К чему же, зачем в таком случае создан мир? Вся моя жизнь, жизнь всего мира вдруг показалась бессмыслицей, слава Богу, преподаватель Введенский доказывает, что смысл жизни заключается в исполнении нравственного долга, который предписывает каждому человеку служение всеобщему счастью. Но так как всеобщее счастье на земле неосуществимо, что «доказывается сочинениями философов и поэтов всех времён и всего мира», то человек вправе верить, что оно осуществится в посмертной жизни. Таким образом, Введенский хотел доказать, что вера в смысл жизни оказывается логически непозволительной без веры в бессмертие. Однако это не даёт ответа на другой вопрос: «Разве нельзя обойтись без земной жизни?» Для чего жить на земле, зная, что в конце концов весь этот земной мир будет разрушен? Неужели такая наша жизнь так необходима для осуществления всеобщего счастья? Я завидую материалистам, которые счастливы тем, что не верят в бессмертие и могут умереть с полным сознанием того, что уже не будут жить после неё...

**Боже мой,
а что же тогда
«счастье»?**

«Надеюсь, Катюша, ты счастлива со своим Игорёшей, но отчего у вас деток нет», – прошептала старушка.

Она подёргала мебелину, но... стуло-стол крепко застрял в новом положении. Старушка аккуратно обошла преграду и продвинулась дальше.

Вот здесь надо поднять левую руку, поддеть язычок выключателя, и тогда вот там, ровно прямо, если не поворачивать головы, возникнет неяркое пятно большого абажура тёмно-оранжевого цвета, висящего над большим круглым столом, покрытым клеёнкой в мелкую красную клеточку.

В центре стола небольшая вазочка. Если лето, там цветочки, если осень, то листочки, если зима, то веточки, а если весна, то ничего...

*«Если ты разлюбил меня весной
– радуйся птицам, солнцу, по лесу гуляй...
Если ты разлюбил меня летом
– купайся, загорай на море, на луку цветы собирай...
Если ты разлюбил меня осенью –
...мушкетёрские листья слушай, в ночное небо смотри...
И только зимою долгой... я прошу –
потерпи до весны...»*

На столе всегда сахарница, два подсвечника хрустальных, ручная кофемолка с изогнутой ручкой и статуэтка фарфоровая – «А Васька слушает да ест».

По дороге к столу, справа, небольшая тумбочка, на тумбочке плиточка, на плиточке ванночка с песком, а в песке две маленькие кофеварки... Рядом хрустальный кувшин с водой.

Ложечку кофе, ложечку сахара... водичка... и в песок. «Какое давление?! У меня всю жизнь давление... Наслаждение! Ароматная горьковатость... сладкая...»

«Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, урождённая Пилленко, в монашестве мать Мария (1891–1945), в 1909–1911 гг. была слушательницей философского отделения историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов. В середине 1910-х гг. сдавала экстерном экзамены по богословским предметам профессорам Петербургской духовной академии. Участница «сред» на «башне» Вяч. И. Иванова, посещала собрания Религиозно-философского общества. Поэтесса (первый стихотворный сборник «Скифские черепки» (СПб., 1912), рисовала, владела техникой древнерусского шитья, иконописью, росписью стен, техникой витража.

С 1920 г. Кузьмина-Караваева в эмиграции, с 1923 г. живёт в Париже. В конце 1920-х гг. сблизилась с Н. О. Лосским, Н. А. Бердяевым, Г. П. Федотовым, С. Н. Булгаковым, которого считала своим духовным отцом. Принимала участие в создании парижского Православного богословского института. В 1929 г. за подписью Е. Скобцова появляются три краткие монографии – «А. Хомяков» (Париж, 1929); «Миросозерцание Вл. Соловьёва» (Париж, 1929); «Достоевский и современность» (Париж, 1929). В последней работе она писала: «Достоевский был великим русским национальным писателем. Он воплотил в своём творчестве мудрость, свойственную русской душе; он не только воплотил эту мудрость, но и раскрыл нам её содержание и может быть, многое можно объяснить в судьбе русского народа, многое понять и оправдать, если подойти к ней от Достоевского. Русский народ по преимуществу «человек Достоевского».

16 марта 1932 г. Е. Ю. Кузьмина-Караваева приняла в Париже монашеский постриг и с ним – имя Мария. Своё монашество она провела в миру, занимаясь активной благотворительной деятельностью. Погибла в газовой камере 31.03.1945, в концлагере Равенсбрюк. Однажды, показывая заключённым с ней женщинам на зловещий дым, выходящий из трубы крематория, она сказала: «Смотрите, смотрите, как души возносятся на небеса!»...